

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Хахим Бей
Чёрная корона и чёрная роза
Анархо-монархизм и анархо-мистицизм

«Автономные зоны: временные и постоянные»,
CHAOSSS/PRESS, 2020

Перевод — Валентин Чередников (редактура — по
изданию CHAOSSS/PRESS, 2020); перевод в исходной
редакции — см.

[http://politosophia.org/page/chernaya-
korona-i-chernaya-roza.html](http://politosophia.org/page/chernaya-korona-i-chernaya-roza.html) (проверено
21-06-2020)

ru.theanarchistlibrary.org

Чёрная корона и чёрная роза

Анархо-монархизм и анархо-мистицизм

Хахим Бей

Во снах мы грезим только о двух образах правления — анархии и монархии. Исконные глубины сознания не разбираются в политике и никогда не играют по правилам. Демократическая мечта? Социалистическая мечта? Это невозможно. Даруют ли ускоренные движения моих глаз в фазе быстрого сна столь реальные, почти пророческие видения, или же всего лишь венское исполнение желаний, только короли и дикие люди населяют мои ночи. Монады и номады.

Бледный день (когда ничто не сияет своим собственным светом) подкрадывается и втирается в доверие, намекает на то, чтобы мы пошли на компромисс с тоскливой и тусклой реальностью. Но во снах ничто не управляет нами, кроме любви и чародейства, в которых так поднаторели хаоты и султаны.

В среде людей, которые не способны творить или играть, но могут только *работать*, художники также не име-

ют иного выбора, кроме анархии и монархии. Подобно сновидцам, они должны обладать — и *обладают* — своим собственным восприятием, и ради этого они обязаны жертвовать «тиранической Музе» всем, что не более чем социально. Искусство умирает, когда с ним обращаются «по правилам». Оно должно наслаждаться дикостью пещерного человека, или же пусть какой-нибудь князь наполнит золотом его рот. Бюрократы и торговцы отравляют его, профессора пережёвывают, а философы выплёвывают. Искусство — своего рода византийское варварство, пригодное исключительно для знати и язычников. Если бы вы знали сладость жизни поэта в царствование продажного, коррумпированного, декадентского, неэффективного и смешного паши или эмира, какого-нибудь шаха Кажара, какого-нибудь короля Фарука, некой королевы Персии, вы бы знали, что это именно то, чего должен желать каждый анархист. Как любили они поэмы и картины, эти мёртвые роскошные дураки, как впитывали они в себя все розы и прохладные бризы, тюльпаны и лютни! О да, их жестокость и капризы достойны ненависти — но, по крайней мере, они были человеческими. Но бюрократы, что пачкают стены разума лишённой запаха грязью — столь любезно, столь *gemutlich*¹, — которые загрязняют внутреннюю атмосферу отупением, — они не заслуживают даже ненависти. Они едва существуют вне бескровных Идей, которым служат.

И, кроме того: сновидец, художник, анархист — разве не разделяют они определённый оттенок жестокого каприза с самыми отъявленными из моголов? Возможна ли подлинная жизнь без доли безумия, эксцесса, без вспышек Гераклитовой «войны»? Мы не правим, но мы не можем быть и не будем *управляемы*.

¹ Приятно (нем.); здесь и далее — прим. перев.

жизни, или вульгарных суеверий атеизма, сциентизма и прогрессизма XIX столетия. Всё это мёртвый груз! Неряшливый пролетарский чемодан, тяжёлый буржуйский пароходный кофр, унылое портмоне философа — всё за борт!

От этих систем мы хотим перенять только их витальность, жизненную силу, отвагу, непримиримость, гнев, беспечность — основу их могущества, их *шакти*. Прежде, чем выбросить за борт весь этот хлам и саквояжи, мы распотрошим багаж, чтобы извлечь оттуда бумажники, револьверы, драгоценности, наркотики и другие полезные вещи — мы сохраним то, что нам нравится, и избавимся от прочего мусора. Почему нет? Разве мы священники, чтобы скорбеть над мощами и бормотать мартирологи? В монархизме тоже есть кое-что, что может нам пригодиться — изящество, лёгкость, гордость, чрезмерное изобилие. Мы оставим это себе, а все пороки власти и истязание отправим в мусорный ящик истории. И мистицизм может кое-что нам предложить — «самопреодоление», экзальтацию осознания, резервуары психических способностей. Это мы конфискуем от имени нашего восстания, а пороки морали и религии оставим гнить и разлагаться.

Как говорили рантеры при встрече с «ближним» — кем бы он ни был, королём или воришкой-карманником, — «Возрадуйтесь! Всё принадлежит нам!»

фаланстеры Фурье, «мистический анархизм» Г. Иванова¹¹ и других русских символистов *fin-de-siècle*¹², кровосмесительный эротизм в «Санине» Арцыбашева, равно как и жуткое сочетание нигилизма и культа Кали, вдохновившее Бенгальскую террористическую партию (к которой мой тантрический гуру Шри Каманарансан Бисвас имел честь принадлежать)...

Мы, однако, предполагаем гораздо более глубокий синкретизм анархии и Тантры, чем любое из этих течений. Фактически, мы просто предлагаем, чтобы индивидуалистический анархизм и радикальный монизм считались впрямь одним и тем же движением.

Этот гибрид был назван «спиритуальным материализмом» — термин, который сжигает все метафизики в огне единства духа и материи. Нам также нравится «Онтологическая анархия», поскольку она предполагает, что само бытие остаётся в состоянии «божественного Хаоса», всепотенциальности, непрерывного творения. В этом потоке только *дживамукти*, или «освобождённая личность», достигает самореализации, являясь, таким образом, монархом или властителем своих восприятий и отношений. В этом непрерывном потоке только желание предлагает какой-то организующий принцип, а значит, единственное возможное сообщество (как это понимал Фурье) — это сообщество влюблённых.

Анархизм мёртв, да здравствует анархия! Мы больше не нуждаемся в багаже революционного мазохизма или идеалистического самопожертвования, или фригидного индивидуализма с его презрением к веселью и *совместной*

¹¹ Хаким Бей ошибся в инициале. Очевидно, имеется в виду русский поэт, филолог, эссеист Вячеслав Иванович Иванов, автор статьи «Идея неприятия мира», опубликованной в 1906 году в качестве вступления к книге Георгия Чулкова «О мистическом анархизме».

¹² Конец века (*фр.*).

В России народники-анархисты иногда подписывали подложные указы и манифесты именем царя; в них самодержец якобы сетовал на то, что алчные дворяне и бесчувственные чиновники заперли его во дворце и отрезали от любимого им народа. Он требовал отмены крепостного права и призывал крестьян и рабочих восстать во Имя Его против правительства.

Зачастую этот приём оказывался успешным в деле разжигания бунтов. Почему? Потому, что один абсолютный правитель метафорически действует как зеркало уникальной и высшей абсолютной личности. Каждый крестьянин, каждая крестьянка смотрели в эту зеркальную легенду и созерцали его или её собственную свободу — иллюзию, но такую, которая почерпнула своё волшебство в логике мечты.

Вероятно, в XVII веке похожий миф вдохновлял рантеров, антиномистов и провозвестников Пятого царства, которые стекались под знамя якобитов с их эрудированными интригами и заговорами на почве крови и чести. Радикальные мистики сначала были преданы Кромвелем, а затем Реставрацией — так почему бы им, в конце концов, не объединиться с дерзкой кавалерией и щёгольской аристократией, с розенкрейцерами и масонами Шотландского обряда, чтобы возвести оккультного мессию на трон Альбиона?

Среди людей, которые не способны представить себе общество без монарха, страсти радикалов могут найти выражение в монархической терминологии. Среди людей, которые не способны представить себе человеческое существование без религии, радикальные страсти могут говорить на языке ереси.

Даосизм отверг всю конфуцианскую бюрократичность, но сохранил образ Императора-мудреца, который молча сидит на своём троне с благосклонной улыбкой, не делая

абсолютно ничего. В исламе исмаилиты взяли идею Имама как слуги Пророка и трансформировали её в «Имама-самого-по-себе», совершенную личность вне Закона и всяких правил, которая искуплена Единым. И эта доктрина подняла их на бунт против ислама, вдохновила на террор и убийства во имя чистого эзотерического самоосвобождения и тотальной реализации. Классический анархизм XIX века определял себя через борьбу против короны и церкви, поэтому на этапе пробуждения считался эгалитарным и атеистическим. Однако такая риторика затеняет то, что происходит в действительности: «царь» становится «анархистом», «священник» — «еретиком». В этом странном дуэте изменчивости нет места политику, демократу, социалисту, рациональному идеологу; они глухи к музыке, и им совершенно недостаёт чувства ритма. Террорист и монарх — это *архетипы*; прочие же являются всего лишь функционерами.

Некогда анарх и король, схватив друг друга за глотки, вальсировали *totentanz*² — роскошная битва! Теперь, однако, оба они отправлены в мусорное ведро истории — устаревшие раритеты праздного и более утончённого прошлого. Они кружатся так быстро, что, кажется, сливаются воедино... могли ли они каким-то образом стать одним целым, сиамскими близнецами, Янусом, причудливым единством? «Сон разума...» ах! самых вождельных и вождельных чудовищ!

Онтологическая анархия провозглашает категорически, прямо и почти настырно: да, эти двое теперь одно. Как единое целое возрождён отныне анарх/король; каждый из нас — властелин своей собственной плоти, своих творений — и многого другого, что можем мы захватить и удержать.

² Пляска смерти (нем.).

ства людей, никогда не достигнет полноты человеческого сознания, никогда не обретёт язык. Возможно, Дикий ребёнок служит поэтической метафорой Уникального и всё же одновременно знаменует собой ту грань, где Уникальный и Другой должны встретиться, соединиться, слиться — или, в противном случае, оказаться не в состоянии достичь всего, что им предназначено, и обладать этим.

Другой отражает Я — Другой является нашим *свидетелем*. Другой завершает Я — Другой даёт нам ключ к восприятию единства бытия. Когда мы говорим о бытии и сознании, мы говорим о Я; когда мы говорим о блаженстве, мы вовлекаем Другого.

Овладение языком проходит под знаком Эроса — всякое общение в сущности своей эротично, любые отношения являются эротическими. Авиценна и Данте утверждали, что любовь движет звёзда и светила по их орбитам. И «Ригведа», и «Теогония» Гесиода провозглашают Любовь первым богом, родившимся после Хаоса. Привязанности, синхронии, эстетическое восприятие, вспышки прекрасного, веселье — всё самое ценное, чем обладает Уникальный, возникает из соединения Я и Другого в созвездии Страсти.

Здесь проект, начатый индивидуализмом, может быть вновь развит и воскрешён благодаря инъекции мистцизма и, конкретно, Тантры. Как эзотерическая *техника*, обособленная от ортодоксального индуизма, Тантра служит символической основой («Сетью драгоценностей») для идентификации сексуального наслаждения и особенного состояния сознания. Все имморалистские секты — от семей Любви и Свободных братьев до адамитов Европы, от суфийских педерастов из Персии до даосских алхимиков в Китае — несли в себе определённый тантрический аспект. Даже классический анархизм содержал в себе подобные тантрические моменты: здесь можно вспомнить

глашение чисто трансцендентного принципа, во имя которого *Einzig* следовало бы пожертвовать своей самостью. Речь идёт о простом утверждении того, что интенсивность осознания существования как такового приводит к «блаженству» — или, выражаясь менее нагруженным языком, «ценностному сознанию». Конечная цель Уникального состоит в том, чтобы *обладать* всем; радикальный монист достигает этого через отождествление себя с тем, что он воспринимает, подобно китайскому художнику — создавая картину кисточкой и тушью, он «становится бамбуком», который «рисует сам себя».

Несмотря на таинственные намёки Штирнера по поводу «союза Уникальных» и невзирая на «вечное Да» Ницше и возвеличивание им жизни, кажется, что их индивидуализм каким-то образом воспитывает *холодность по отношению к другим*. Отчасти они культивировали закалку, очистительное охлаждение в противовес удушливому теплу сентиментальности и альтруизма XIX века; отчасти же они просто презирали то, что кто-то (Менкен?) определил как «*Homo Boobensis*»⁹.

И всё же, читая за и под слоем льда, мы раскрываем следы огненной доктрины — возможно, того, что Гастон Башляр назвал «Поэтикой Другого». Отношения *Einzig* с Другим не могут быть определены или ограничены какой-либо институцией или идеей. И всё же ясно, как это ни парадоксально, что Уникальный в полноте своей зависит от Другого, и не может и не будет реализован в какой-то горькой изоляции.

Примеры «волчьих детей» и *enfants sauvages*¹⁰ демонстрируют, что младенец, слишком долго лишённый обще-

⁹ Так Генри Луис Менкен определял христианских фундаменталистов.

¹⁰ Дикая дети (*фр.*).

Наши действия оправданы законом, и наши отношения строятся на основе союзов с другими автархами. Мы творим закон для наших собственных владений, разрывая цепи закона. В настоящее время, возможно, мы выживаем лишь как незаконные претенденты, но даже так мы способны захватить несколько мгновений, несколько квадратных метров реальности, чтобы навязать ей нашу абсолютную волю, наше *royaume*³. *L'état, c'est moi*⁴. Если мы связаны какой-либо этикой или моралью, она должна быть той, какую мы сами вообразили, неправдоподобно более возвышенной и освобождающей, нежели «моральная щёлочь» пуритан и гуманистов.

«Вы подобны богам» — «Ты есть То».

Слова «монархизм» и «мистицизм» используются здесь отчасти *pour epater*⁵ тех эгалитарно-атеистических анархистов, которые с благочестивым ужасом реагируют на любое упоминание о помпезности или суевериях-слухах. Бархатной революции под звоны хрустальных бокалов *они* не дождутся!

Наше антиавторитарное качество, однако, расцветает на почве барочного парадокса; оно оказывает предпочтение состояниям сознания, эмоциям и эстетике перед всеми окаменелыми идеологиями и догмами; оно охватывает множественность и наслаждается противоречиями. Онтологическая анархия — это жупел для БОЛЬШИХ умов. Неудачный перевод названия (и ключевого термина) важнейшего произведения Макса Штирнера как «Эго и его собственность» привёл к тонкой ошибке в интерпретации «индивидуализма». Англо-латинское слово «*ego*» нагружено и утяжелено фрейдистским и протестантским ба-

³ Царство, королевство (*фр.*).

⁴ Государство — это я (*фр.*).

⁵ С целью эпатировать (*фр.*).

гажом. Внимательное прочтение Штирнера предполагает, что «Уникальный и его самость»⁶ лучше отражало бы его намерение, учитывая, что он никогда не определял эго *через оппозицию* к либидо или Ид, как и через оппозицию к «душе» или «духу». Уникального (*der Einzige*) лучше всего рассматривать просто в качестве личности как таковой. Штирнер не предаётся метафизике, однако сообщает Уникальному известную абсолютность. А раз так, то каким образом этот *Einzige* отличается от «Я» Адвайта-веданты? *Tat tvam asi*: Ты (индивидуальное Я) есть То (абсолютное Я).

Многие считают, что мистицизм «растворяет эго». Вздор. Только смерть способна на это (или, по крайней мере, так предполагают наши саддукеи). Не уничтожает мистика и «плотское» или «животное» Я, что было бы равносильно самоубийству. Что мистицизм действительно пытается преодолеть, так это ложное сознание, иллюзию, Общепринятую реальность и все те личностные пороки, которые вытекают из этих недугов. Подлинная мистика создаёт «умиротворённую личность», личность, наделённую могуществом. Наивысшая цель метафизики (достигнутая, к примеру, Ибн Араби, Бёме и Раманой Махарши) состоит в том, чтобы в некотором смысле самоуничтожиться, выявить метафизическое и физическое, трансцендентное и имманентное как ЕДИНОЕ. Некоторые *радикальные мони-сты* вывели эту идею далеко за рамки простого пантеиз-

⁶ В отличие от английского варианта («*The Ego & Its Own*»), русский перевод («Единственный и его собственность»), авторами которого являются Б. В. Гиммельфарб и М. Л. Гохшиллер, близок к оригиналу («*Der Einzige und sein Eigentum*»). Однако, учитывая, что Хаким Бей в качестве наиболее адекватного использует термин «*The Unique*», здесь и далее в тексте будет, вопреки сложившейся в России историко-философской традиции, употребляться понятие «Уникальный», более компактное, нежели в равной степени подходящая в данном контексте дефиниция «Единственный в своём роде».

ма или религиозной мистики. Восприятие имманентного единства бытия вдохновляло определённые имморалистские ереси (рантеров, ассасинов), которые мы полагаем своими предтечами.

Что касается самого Штирнера, то он, по-видимому, глух к возможности духовных интерпретаций индивидуализма, и в этом он — родившийся уже после того, как христианский мир пришёл в упадок, но задолго до открытия Ориенталистики и тайной иллюминатской традиции в Западной алхимии, революционных ересей и оккультной активности — остаётся верен духу XIX столетия. Штирнер питал вполне оправданное презрение к тому, что было известно ему как «мистицизм», а именно, к простой набожной сентиментальности, основанной на самоотречении и ненависти к миру. Несколько лет спустя Ницше вбил последний гвоздь в крышку гроба «Господня». Кто с тех пор осмелится бы предположить возможность примирения и синтеза индивидуализма и мистицизма?

Недостающий Штирнеру компонент (Ницше подошёл к этому ближе) — это рабочее понятие *необычного сознания*. Реализация уникальной личности (или *ubermensch*⁷) должна резонировать и расширяться как волны, или спираль, или музыка, чтобы охватить непосредственным опытом либо интуитивным восприятием уникальность самой реальности. Такая реализация поглощает и стирает всякую двойственность, дихотомию и диалектику. Она несёт в себе, как электрический заряд, интенсивное и молчаливое ощущение *самоценности*: она «обожеествляет» личность.

Бытие/сознание/блаженство (*satchitananda*)⁸ невозможно сбросить со счетов как всего лишь один из штирнеровских «призраков» или «винтик в голове». Это не провоз-

⁷ Сверхчеловек (*нем.*).

⁸ Сатчитананда — определение Брахмана в веданте.